

**БОЛЬШИЕ ТАЙНЫ
МАЛЕНЬКИХ
ГОРODOB**

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

ЗВЕЗДА
НА ОДНУ РОЛЬ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Звезда на одну роль : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с. — (Большие тайны маленьких городов).

ISBN 978-5-04-191026-6

Каждая актриса мечтает о том моменте, когда взойдет ее звезда. Грезили об этом и те юные блондинки, тела которых, одно за другим, были обнаружены на стройках и в подмосковном лесу. Чьих рук это дело? Неужели объявился новый маньяк-серийник? Начальник «убойного отдела» Никита Колосов начинает расследование этих загадочных убийств. Помочь ему решает журналистка Катя Петровская. Ведь одна из погибших актрис ее близкая подруга...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-191026-6

Пролог

На перекрестке между Пречистенским бульваром и бывшей Кропоткинской улицей под самым светофором остановилась машина — синий, сверкающий лаком «Порше», столь еще редкий на московских улицах. В машине сидели двое мужчин. Водитель не отрывал взгляда от огней светофора, запрещающего поворот, а пассажир всматривался во мрак за окном — первый час ночи, Пречистенский бульвар пуст и занесен снегом, липы — точно старая гвардия у древних ворот — темные, безмолвные, безучастные и к этому сумраку, и к тишине, и к безлюдью. Зимний ветер — бездомный бродяга, словно Соловей-разбойник свистит, сбивает с голых ветвей смерзшиеся комки снега.

На улице — ни души. Вон только собака бежит через дорогу — худюшая, костлявая дворняга, рыжая и страшная. Торопится что есть мочи, подскакивает на трех лапах, поджимая искалеченную, затравленно оглядывается по сторонам. Боль и злоба в собачьих глазах, голод и тоска. Скалит дворняга зубы на синего металлического, дурно пахнущего бензином пришельца и скрывается в темном переулке.

И снова пуста улица, и только свистит ветер. И мерцает в ночи багровый огонек — то ли фонарь, то ли сломавшийся светофор на перекрестке.

Пассажир «Порше» взглянул на часы, нетерпеливо сказал водителю:

— Ну же, мы опаздываем. Нас ждут через двадцать минут.

Водитель смотрит на него искоса.

— Обычно я не нарушаю законов в чужих городах и

не имею дела с полицией, это не в моих правилах, но раз мы опаздываем... — Он мягко трогает машину с места и едет на красный свет.

«Порше» словно влипает в асфальт стремительной мощной тенью.

— Я не намерен сегодня опаздывать, — ворчит пассажир. — Я вообще не намерен опаздывать. У меня тоже свои правила, не забывай. — Он вздыхает и смотрит в зеркальце. Он — плотный, лысоватый мужчина средних лет, с усталым обрюзгшим лицом. Одет в отличное пальто от дорогого европейского портного, под коричневым в золотистую крапинку кашемировым шарфом виднеется воротничок белоснежной сорочки. — Я не намерен опаздывать. Туда, куда мы едем, опаздывать не принято. И вообще, это только здесь у нас, в родных пенатах, у отеческих гробов, опоздание — вещь, вполне совместимая с порядочностью. Ее тут искупают простые извинения. Но там, там, друг мой, где я провел почти четверть века, никто никуда давно уже не опаздывает. Это повсеместно дурной тон. Европа давно уже живет по своему собственному времени.

— Прошу прощения, шеф. — Водитель чуть усмехнулся, он был тоже средних лет, горбоносый и смуглый и говорил с каким-то странным акцентом. Так говорят на родном языке те русские, которые родились за границей — где-нибудь в третьем, а то и в четвертом колене эмиграции. — Простите, я всегда забываю, что вы жили в Париже.

— А ты в Сиднее. Знаю, помню. Но все равно не надо язвить, мой друг. Я не забываю, что мы — осколки одной старой, некогда разбитой вазы. Твои дворянские предки — беглецы от всех революций, мое голодное военное детство, твой австралийский колледж — это ведь был полупрофессиональный ринг в Алис-Спрингс, — видишь, я ничего не забываю, и мой побег в семьдесят первом, сразу же после нашей выставки «Москва — Париж».

Я ведь боялся пули тогда, смертельно боялся. И там, в аэропорту Ле Бурже, когда очертя голову перепрыгнул через таможенный барьер, и потом все эти долгие годы моего *невозвращенчества*. Все это время, когда я ходил по улицам, сидел в кафе, работал у себя в мастерской, я всег-

да боялся пули. Отсюда, со своей родины. И я привык быть пунктуальным, ибо дорожил каждой минутой той моей сумасшедшей жизни. И даже когда я стал богат и знаменит, когда успокоился наконец, я не изменил этой своей привычке... И вот, стоило мне только попасть в качестве гостя в эту мою такую родную и такую скудно любимую мной страну, как я снова возвращаюсь к... Нет, здесь, впрочем, кое-что тоже изменилось, пока мы не гуляли под этими липами на этом московском бульваре. И... в общем, *туда, куда мы едем, не опаздывают.*

— Сейчас будем на месте, я карту смотрел, и швейцар в «Национале» мне дорогу рассказал. — Водитель свернул в один из узких, плохо освещенных переулков, притормозив у таблички на угловом доме. — Ага, это уже недалеко.

Его пассажир потрогал рукой, обтянутой желтой кожаной перчаткой, ледяное стекло машины и прочел название улицы на табличке.

— Холодный переулок. Да. Очень символичное название. О, он даже эту мелочь учел. Он знает, где поселиться. Он вообще многое знает.

— Ну да, — снова усмехнулся шофер. — Он главное знает — сколько содрать за все это. Это просто чудовищная сумма.

— Ах, оставь, пожалуйста. — Лысоватый пассажир поморщился... — Это стоит любых денег, как мне рассказывали. Это стоит всего. Это — пища избранных. Пир богов, а боги не торгуются. Это сама Жизнь во всей ее красоте, правде и жестокости. Я ведь только ради этого и прилетел сюда, мой друг. А выставка, симпозиум и все эти встречи со здешними, ах! Ради одного этого я здесь. Нигде в мире *такого* не увидишь. По крайней мере в наши дни. Но здесь...

— Это здесь. Приехали. — Водитель затормозил у заново отреставрированного двухэтажного особняка с высокими французскими окнами и каменным крыльцом.

Окна были темны, фасад тих. Казалось, что дом необитаем, покинут людьми давным-давно. Но это только казалось...

Приехавшие на «Порше» вышли из машины. Водитель быстро взбежал на крыльцо и позвонил.

Ветер ворвался в переулок, завыл, словно свора гон-

чих, захлопал железом на старых крышах, взвихрил снег, швыряя его в слепые черные окна.

Дверь бесшумно открылась. На крыльцо упала яркая полоса света. Водитель что-то быстро и тихо сказал по-английски. Его спутник медленно поднялся по ступенькам. Снег хрустел под его грузными шагами. Дверь открылась шире, пропуская их, и затем затворилась все так же беззвучно.

Ночь клубилась вместе с ветром в промерзшем каменном ущелье между домами — февральская, выюжная, пронизывающая до костей, голодная ночь...

Вот снова, словно серая тень, прохромала собака, трехногая дворняга, юркнула в подворотню за домом — поближе к спасительной помойке, где ветер футболил на снегу пустые молочные пакеты и полиэтиленовые рваные мешки.

Дворняга вспрыгнула на железный контейнер и остервенело вгрызлась в отбросы. Изредка она прерывала трапезу и нюхала воздух — ветер менялся, близилось утро.

Вдруг она насторожилась. Шерсть на ее загривке вздыбилась. Собака глухо и злобно зарычала. Звук, ее встревоживший, был так неясен, так слаб, словно приглушен толстыми каменными стенами, но все равно, в этом крике ли, вопле или зверином вое — дворняга не знала, что это было, — слышалась такая мука, такая смертная боль, что она не выдержала. Судорожно сглотнув, задрала острую хищную морду к темным небесам и откликнулась коротким, хриплым и траурным воем.

А ночь уходила. Тусклые московские звезды бледнели, линяли...

Дверь дома тихо открылась. На пороге показались две фигуры. Они шли к машине. Одна спотыкалась, скользила, едва не падала, другая поддерживала ее, тащила. Приехавшие на «Порше» снова куда-то отбывали. Водитель — это он лучше держался на ногах — сгрузил пассажира в салон, точно мешок, быстро obeжал машину, сел за руль, мельком взглянул на себя в зеркальце и тут же отвернулся.

Его спутник, тот лысоватый в дорогом заграничном пальто, теперь кое-как застегнутом, открывавшем смятую сорочку и черный щегольской пиджак, безнадежно ис-

порченный обильными следами рвоты на полах и лацканах, закрыв лицо руками, раскачивался взад и вперед, что-то бормоча.

Водитель пошарил рукой возле сиденья.

— Вот возьмите... возьмите же... салфетка... вы испачкали костюм... — Рука его тряслась. Он все пытался вставить ключ зажигания и не мог.

Его сосед уперся лбом в ледяное стекло.

— Не надо было... не надо было сюда приезжать, — прошептал водитель. — Черт-те что... Черт-те что! — выкрикнул он яростно.

— Господи... — Спутник его не сказал это — просто-напросто. — Господи милосердный, и за *таких* ты распял себя, за *таких* вот ты терпел муки, отдал кровь свою, жизнь свою. За таких, что делают... *это вот?!* За меня ты отдал, который... который... — Он закрыл лицо руками. — За меня, господи...

— Я же говорил, не надо было сюда приезжать! — шипел шофер, голос его звенел и дрожал, смуглое лицо посерело, как пепел в камине, где кончились дрова.

Он наконец справился с управлением, рванул машину так, словно стартовал не в тихом московском переулке, а где-нибудь в гонках на приз «Формулы-1».

Автомобиль синей молнией метнулся по обледенелому тротуару и скрылся из виду.

В Холодном переулке стояла мертвая предутренняя тишина. Наступал час, когда ее должен был нарушить первый троллейбус, идущий по Пречистенскому бульвару...

Глава 1

«ВАШИ ДЕЙСТВИЯ, ЕСЛИ ВЫ ВНЕЗАПНО УВИДЕЛИ ЗНАКОМЫЙ ВАМ ТРУП»

Она тысячи раз твердила себе впоследствии: лучше бы в этот день был праздник или выходной, ей не надо было бы идти на работу. Если бы она осталась дома, то не увидела бы ЭТОГО никогда. И слава богу. Может быть,

вся эта история миновала бы ее. Вся эта страна, кровавая сказка осталась бы за бортом ее жизни.

Но день был обыкновенный, рабочий. Она сидела на своем месте, как говорили там, где она трудилась и получала зарплату, — *была на посту*. Словно часовой при похоронном погребении.

Она — Катя Петровская, криминальный обозреватель, капитан милиции. И случилось так, что по стечении обстоятельств ей пришлось ЭТО увидеть.

По своей профессии ей приходилось быть очевидцем многих вещей. Таких, о которых добропорядочные граждане обычно стараются не вспоминать к ночи, а увидев по телевизору, жадно прикипают к экранам. Смерть человеческая обычно собирает множество любопытных. И не имеет значения — смерть ли это от удара молнии в августовскую грозу или гибель от рук безжалостного наемного убийцы, нанятого коварным и корыстным врагом.

Итак, она увидела это. И если бы ей пришлось писать об этом статью, а это было ее ремесло, которым она вот уже несколько лет зарабатывала себе на хлеб насущный, она по свойственной ей привычке придумала бы началу ВСЕЙ ЭТОЙ ИСТОРИИ весьма хлесткий заголовок: «ВАШИ ДЕЙСТВИЯ, ЕСЛИ ВЫ ВНЕЗАПНО УВИДЕЛИ ЗНАКОМЫЙ ВАМ ТРУП».

А началось все с обычного служебного разговора. Разговора о том, что...

— Все происходит оттого, что ты не уважаешь своего читателя. Именно не у-ва-жа-ешь! — С такими словами Горелов начал перебирать свежие газеты, кучей громоздившиеся на его столе.

Катя только улыбнулась. Она знала все, что скажет ей этот миловидный молодой человек в очках с тонкой золотистой оправой и свитере исландской шерсти.

— Да, Катенька, да. Ты только полюбуйся на заголовки: в «Подмосковном вестнике» — «Жених из морга», в «Ведомостях» — «Секс в сапогах», в «Голосе столицы» — «Властелин туалета». А я еще до твоих журнальных статей не добрался!

— Они *это* едят, Костик!

Катя произнесла фразу самым легкомысленным тоном, на какой только была способна. И для пущего эпатажа достала из сумочки пудреницу и начала сосредоточенно изучать свое отражение в маленьком зеркальце.

— К тому же заголовки придумываю не я, а редактор. Почему же ты дальше не продолжаешь?

Горелов размашисто развернул газету, углубился в текст Катиной статьи и фыркнул.

— У тебя легкое перо. Легкое и наглое. Действуешь по принципу: пришла, увидела, накатала статью. И что самое интересное, все тебе сходит с рук.

— Пока, — усмехнулась Катя.

— Читатель же наш, как ты выражаешься, ест эти... эти... — Горелов щелкнул пальцами, подыскивая наиболее деликатное слово. — Эти новости...

— Эти бредни...

— Новости. И дуреет день ото дня. Дуреет и тупеет. А все потому, что ты его не уважаешь. Впрочем, это не только твой грех. Вся пресса сейчас...

— Что делать. — Катя защелкнула пудреницу и положила ее на пишущую машинку. — Уж такая я плохая. Но признайся, Костик, что, открывая газету и скользя по заголовкам утомленно-интеллектуальным взглядом, ты среди всей этой лабуды невольно, подсознательно тоже ищешь какой-нибудь «Труп за углом», «Мафия бессмертна» и тому подобное. Хочется ведь пощекотать себе нервы, а? Хочется? Или у тебя нет нервов, Костик?

Горелов только махнул рукой. Подошел к маленькому столику у стены, где стояли общественный электросамовар, чашки, чайник, баночка кофе и чай в картонной коробке. Час послеобеденного чаепития был священен. И тратить его на пустые препирательства Горелов не собирался.

Кабинет, где происходила вся эта беседа, располагался на четвертом этаже желтого массивного здания с мраморным подъездом, украшенным внушительной вывеской: «Главное управление внутренних дел». На двери кабинета красовалась приколотая кнопками бумажка с надписью крупными печатными буквами: «Пресс-центр. Издательский отдел. Телегруппа».

— Тебе кофе или чай? — спросил Горелов, включая самовар в розетку.

— Я еще не решила. Пусть закипит. — Катя встала из-за стола и прошлась по узкому пространству между окном и двумя компьютерными стойками, придвинутыми к стенам.

— А печенье? — спросил Горелов и взглянул на часы. — Печенье хочешь? Буфет еще открыт. Могу сбежать.

— Спасибо, Костик, я хую.

— Опять? Ты же уже худела месяц назад. Снова пост?

Катя открыла шкаф и критически оглядела себя в зеркало. Килограммы, килограммы... Худей не худей, а худосочной ее бы все равно никто не назвал. Хорошо еще рост спасает — 175 см.

Катя гордилась своим ростом. Ей нравилось быть высокой. Она не терпела маленьких женщин, и среди ее подруг и приятельниц почти не было коротышек. А вот среди приятелей коротышки были. Катя знала, что она нравится маленьким мужчинам. Что ж, и Наполеон был не саженого роста.

— Какой у тебя пост на этот раз? — поинтересовался Горелов, заваривая кофе.

— Великий, — ответила Катя. — Великий пост. Но он скоро кончается, в этом году ранняя Пасха. — Она взяла из рук Горелова чашку и села за свой стол. — Сводки сегодняшние видел?

— Угу. — Горелов хрустел печеньем. — В дежурной части можешь взять.

— Есть что-нибудь?

— Есть, есть. А когда у нас не было? Пережаренных сенсаций хоть отбавляй. И все в таком ключе: «Утоплен в унитазе», «Расстрелян в упор». Газеты, чтоб их!

— Как говорил Саша Черный: «Получая аккуратно каждый день листы газет, я с улыбкой благодатной, бандероли не вскрывая, аккуратно, не читая, их бросаю за буфет», — пропела Катя. А затем спросила: — Убийства есть?

— Пять или шесть. Четыре бытовухи, один какой-то несчастный случай и... не знаю уж, что там тебя заинтересует. — Он протянул ей коробку с печеньем. — На. Бисквиты. Ни грамма тебе не прибавят.

Катя выбрала печенье в форме обсахаренной звездочки. Она решала принципиальный вопрос: что сделать сначала? Пролистать сводки или позвонить Никите Колосову — начальнику отдела по раскрытию убийств и тяжких преступлений против личности.

Вдруг в кабинет вошел шеф телегруппы Тим Марголин. Как оказалось (Катя была в этом убеждена впоследствии просто железно), его вела сама СУДЬБА...

Марголин вывалил на стол гору видеокассет.

— Катюш, видала наследство? Степка оставил.

Напарник Марголина Степан Остащенко вчера шумно уходил в отпуск. Конец зимы — неподходящее время для отдыха, но что поделаешь? В милиции отпуска берут не когда хочется, а когда начальство не возражает. А оно возражает обычно во все времена года.

— Он на этой неделе что-нибудь снимал? — осведомилась Катя.

— А как же. ДТП на двадцать третьем километре Ленинградки, ну, в этом чертовом Бермудском треугольнике нашем, потом как банду Грядкина брали, потом...

— Он с сыщиками в гости к Грядкину ездил, да? Их на Клязьме, кажется, взяли, в кемпинге? Я сводку читала. — Катя поворошила кассеты. — Где эта пленка, дай-ка мне посмотреть на этот захват, мне для статьи впечатления от живой картинки нужны.

— Вот, кажется, самая последняя кассета, он тут даже числа пометил. — Марголин включил телевизор и видео.

Замелькали кадры: разбитые грузовики в кювете — съемка ДТП, дюжие качки в камуфляже — областной спецназ, — сигающие в окна какого-то весьма красивого коттеджа из красного кирпича с черепичной крышей. А вот и господин Грядкин, лидер знаменской ОПГ — организованно-преступной группировки, разыскиваемый за совершение серии нападений на пункты валютного обмена. Ну и физиономия, прости господи!

Катя чуть перемотала пленку. На следующем кадре вся знаменская ОПГ тихонько лежала на снегу, ручки за спиной, лиц не видать — в снег втиснуты, в последний февральский грязный снежок. Она снова перемотала пленку чуть вперед и...

Это тело было совсем иным. Его сняли крупным пла-

ном. Тоже на снегу, тоже лицом вниз. Но поза другая — окоченелая, мертвая, бездыханная. Труп. Катя оглянулась на Марголина.

— А это что такое?

Тот пожал плечами.

— Не знаю, Степка, видно, с Клязьмы еще куда-то заехал, ну и снял попутно. Что-то там произошло. Чей труп-то? А, смотри, наш кто-то подходит, переворачивает.

На экране появились чьи-то сапоги и милицейские брюки. Верхняя часть туловища их владельца в кадр не попала. Но вот он склонился над трупом, тут стала видна его милицейская фуражка, смутный профиль и ярко-алое на зимнем ветру ухо. Он, видимо, перевернул труп на спину.

Камера чуть отъехала, снимая панораму места. «Стройка какая-то, что ли?» — подумала Катя. Ее внимание снова переключилось на труп. Женщина. Блондинка. Дубленка на ней синего цвета. Такие в салоне на Дмитровке продаются, итальянские. Лицо... Она быстро отвела глаза. Ну же, ты же не кисейная барышня. Это твоя работа. Ты не должна бояться их, они мертвые. А то, что они так уродливы, так пугающе уродливы, так это оттого, что они уже ТАМ... Там — на пиру, где, как говаривал принц Гамлет, не они едят, а *их*. Смерть красивой редко бывает. Она почти всегда *не эстетична*. Оттого-то мертвых так трудно узнавать. Вернее, *опознавать*.

Камера снова отъехала куда-то вбок. Осташенко, видимо, привлекло что-то еще. Ага, понятно — вещи. Вещи, разложенные на снегу: какая-то книжка и сумка. Оператор наклонился, снимая сумку крупным планом. Коричневая, кожаная, с золоченой застежкой. Форма новомодная — этакий мягкий мешочек с ушками, золотая монограмма, латинские буквы К и Х.

Катя от неожиданности подалась вперед. Что за черт! Сумка. Точно такую некогда она страстно желала иметь. Ибо увидела ее у Светки, та, помнится, даже обрисовала ей визуально, как добраться до павильона «Кожгалантерея» на ВВЦ, Катя поехала туда в первый же выходной, но сумок таких там уже не было. Сумку-мешочек она так и не купила, но, проходя мимо витрин на Тверской, где

были выставлены кожаные изделия, она всегда вспоминала Светкину обновку, потому что все сумки казались Кате не такими, одна только Светкина такой и...

Катя перемотала пленку назад. Отчего ей стало не по себе? Нажала на стоп-кадр. Да что с тобой такое? Что ты уставилась на этот лайковый мешок? Мало ли сумок в Москве? Она отпустила пленку. Но съемка закончилась — на кассете, видимо, не хватило места. Так что же там все-таки произошло? Чей это труп? Что за происшествие снимал Остащенко? *Как зовут убитую блондинку?*

Никто не сказал Кате, что эта женщина на пленке убита. Марголин ничего не знал, а Остащенко давно катил в поезде в родные пенаты, куда-то в Воронеж, радуясь, как все отпускники.

НИКТО НЕ СКАЗАЛ ЕЙ, ЧТО ОНА УБИТА, НО... В Катиной жизни, в Катиной службе милицейской и в службе всех ее друзей, знакомых и коллег было столько этих самых «но», что ей всегда приходила на ум одна и та же ассоциация: тело — труп — преступление — убийство. Однако надо было убедиться.

Катя пошла в дежурную часть главка за сводками. Ей нужны вчерашняя и позавчерашняя — их она еще не успела как следует изучить. Толстый том оттягивал руку. Господи, сколько написали, сколько насовершали, думала она, карабкаясь по лестнице к себе на этаж.

Так, что у нас произошло за сутки? Ее, собственно, интересовало только одно-единственное происшествие. Однако случай, вынесенный на первую страницу сводки за истекший день, не мог не привлечь ее внимания как репортера. Нет, здесь такие дела, что все остальное подождет...

«В 9.00 в поселке Жигалово на улице Лесной в своей квартире номер 14 с колото-резаными ранами и черепно-мозговыми травмами обнаружены члены семьи Силиных, — медленно читала Катя. — Муж и жена — пенсионеры, их дочь 25 лет, их внучка 3 лет. Принятыми мерами оперативно-разыскного характера было установлено, что указанное преступление совершили жители Новгородской области Кочет и Чистяков. Оба преступника задержаны по ст. 1 Указа Президента РФ. По предваритель-

ным данным, убийство совершено с целью последующего завладения квартирой. Ведется проверка на причастность указанных лиц к совершению аналогичных преступлений на территории Московской области».

Катя взялась было за телефон, но затем, увидев в списке «на место выезжали» фамилию Колосова, положила трубку на место. Нет, *о таком деле*, когда вырезают семью из четырех человек, среди которых крохотная девочка, Никиту нельзя спрашивать по телефону. Лучше зайти к нему попозже. В конце рабочего дня. Она взглянула на часы на стене — половина шестого. Минут через пятнадцать можно зайти. А сейчас надо досмотреть сводку.

Горелов, ожесточенно стучавший на машинке очередной обзор прессы за текущий день, вывел наконец свою любимую фразу: «Критических материалов в адрес ГУВД не опубликовано». Он вытащил лист из машинки и отключил ее от розетки.

— Все, старушка моя, — бормотал он, ласково потрепав ее по пластмассовому боку. — Ишь, перегрелась даже от усердия. Пани Катарина, я побежал. Мне еще в «Щит» сегодня надо заскочить. — Он уже на ходу натягивал на себя пуховик и обматывал шею клетчатым шарфом. — Материалы какие-нибудь сбросить?

— Я же не уважаю своих читателей, — напомнила ему Катя.

— Э! Пустяки. Я погорячился. Прошу извинить. Был не прав. Готов искупить. Готов собственной кровью, так сказать... смыть это... — Он на ходу чмокнул ее в щеку. — Ну, я полетел. Если позвонит Гордеев из «Криминальной полосы», скажи, что я заскочу к нему в семь. Пусть меня обязательно подождет.

Катя, горя от нетерпения, сделала все необходимые пометки по поводу убийства семьи Силиных, особенно тщательно выписывая фамилии тех, кто выезжал на место происшествия. Затем она жирно обвела фломастером фамилии убийц. На этих подонков хорошо бы взглянуть воочию. Интересно, где их содержат сейчас? В Волоколамском изоляторе или нет? После она лихорадочно пролистала сводку до конца. Взгляд ее то и дело обращался к стенным часам.

В разделе «Иные происшествия» маячило одно-един-

ственное сообщение. Катя прочла его. Затем прочла снова. И снова, еще не веря...

Заложив лист шариковой ручкой, подошла к внутреннему телефону и набрала номер.

— Алло, соедините с Каменском.

В трубке что-то шелкнуло. Послышались нудные гудки.

— Дежурный по Каменскому ОВД майор милиции Строев слушает.

— Пресс-центр ГУВД. Петровская. Соедините, пожалуйста, с Сергеевым.

В трубке снова что-то шелкнуло. Катя напряженно ждала.

Александр Сергеевич, начальник ОУР каменской милиции, был на месте.

— Саш, добрый вечер. Катя Петровская.

— Здравствуй, Кать. — Сергеев, как всегда, куда-то спешил. Хрипловатый баритон его был деловит и резок.

— Скажи, пожалуйста, как зовут ту женщину, что обнаружена у вас на стройке? Здесь в сводке только инициалы. Красильникова, а дальше как?

Сергеев хмыкнул.

— Только для тебя. — Он зашуршал бумагами. — Красильникова Светлана Николаевна, двадцати восьми лет, проживает: Москва, улица Героев Панфиловцев, дом восемь, квартира... Она, кстати, в розыске была в Москве как без вести пропавшая.

— Как без вести пропавшая? — недоуменно переспросила Катя.

— Угу. С девятнадцатого февраля. Бог ее знает, как ее к нам на стройку занесло. Но это не мое, Кать. Несчастный случай. Вроде бы. Там будет медицинское заключение.

— Экспертиза? — уточнила Катя.

— Угу, — снова, как филин из дупла, ухнул Сергеев. — Именно. Ты-то у нас когда появишься?

— На той неделе обязательно. А когда точно будет экспертиза? — спросила Катя.

Она не успела услышать ответ. Там, в кабинете Сергеева, раздался телефонный звонок. Длинный, тревож-

ный. Катя, даже находясь от него в нескольких десятках километров, поняла — что-то случилось.

— Подожди секунду, я переговорю по другому телефону.

Она терпеливо ждала. Что там еще такое? Вот Сергей кому-то крикнул: «Этого не может быть! Да куда же вы смотрели!» Вот выругался.

— Извини. — Он тяжело, гневно дышал.

— Что, неприятности?

— Да черт их поймет всех! Вот денек-то!

— А что стряслось-то?

— Да эта, ну та, со стройки, о которой ты спрашивала...

— Красильникова?

— Это насчет нее мне сейчас звонили.

— Кто?

Сергеев молчал. Катя всей кожей ощущала, как он злится и как сдерживается.

— Что же с Красильниковой? Ты же сказал, несчастный случай.

— Вроде... да... — Он говорил это теперь совсем не так. Катя прекрасно умела разбираться в его интонациях. — Чертовщина там какая-то...

— Господи, да что?

— Я сам еще толком не пойму. Новости мне тут подбросили, да такие, что... Ладно, Кать, ты меня извини. Мне тут срочно отъехать надо. Звони, приезжай.

Она повесила трубку. Перед ее глазами было тело, увиденное ею на видеопленке. Мертвое, изуродованное тело. Что же там все-таки произошло? Что так внезапно могли сообщить Сергееву? Почему он уже не уверен, что это несчастный случай? Куда он так спешно сорвался?

Катя глядела на лист сводки. Итак, Светка Красильникова умерла. Светка умерла... Она вдруг с неожиданной ясностью вспомнила, как видела ее каких-то три месяца назад в маленьком студийном зальчике «Щуки». Тогда ставили «Синюю птицу» и Светка играла Молоко.

Катя закрыла глаза. 28 лет. Она была моложе ее на год. У нее были светлые льняные волосы, миниатюрная фигурка и нежная розовая кожа. Никто не давал ей больше двадцати двух. А звали ее Фарфоровая Кошечка. Да-

да, именно такое прозвище дал ей Бен: Фарфоровая Кошечка. И вот Кошечка мертва...

Катя захлопнула папку. Часы на стене показывали без пяти минут шесть. Никита наверняка уже вернулся. Она заперла дверь кабинета и спустилась в розыск.

Начальник «убойного» отдела, тридцатичетырехлетний майор милиции Колосов Никита Михайлович, восседал за письменным столом и ругался с кем-то по белому телефону. Красный, желтый и малиновый телефоны на его подоконнике молчали. На столе среди бумаг валялось еще и пятое переговорное устройство: радиотелефон из *трофейных*.

— А я сказал тебе: делай так, как я сказал! — отрывисто бросал он в трубку команду за командой. — Нет, так все равно не пойдет.

Трубка возражала.

— А ты ему скажи, что это наша инициатива... Интересно, кто это моим орлам через мою голову может приказы отдавать? Кто? Ну-ка, повтори его фамилию. — Лицо Колосова скривилось от ядовитого сарказма. — Это для тебя он шеф, а для меня — дядя с улицы. Ты скажи ему, что я не разрешаю. Понятно, нет? Не разрешаю... Ах, он жаловаться в главк будет? А... с ним, пусть... — Ругательство застыло на губах Никиты — он увидел входящую в его кабинет Катю. — Ну, ладно. Ладно! Да не ори ты, ко мне люди пришли. Лю-ди! Я ему сам потом позволю. Какой у него номер? — Зажав трубку плечом, он быстро черкнул что-то на календаре. — Ладно, отбой.

Катя стояла, выпрямившись во весь свой 175-сантиметровый рост. Колосов махнул рукой.

— Присаживайся, чему обязан столь неожиданным посещением?

С Никитой Катя никак не могла найти нужный тон разговора. Колосов умел одну и ту же фразу произнести с десятью самыми различными нюансами. Иногда было трудно понять, говорил он серьезно или вешал лапшу на уши, в чем, по его собственному признанию, он был великим умельцем.

В первый раз, когда они познакомились, Катя вежли-

венько обратилась к грозному начальнику «убойного» отдела:

— Никита Михайлович, вы...

— Простите за нескромный вопрос, сколько вам лет? — осведомился вдруг Колосов.

— Двадцать семь.

— А мне тридцать два, — ответил он. — Я вам в отцы не гожусь, солидности еще не добрал. Так что зовите меня Никитой и на «ты», пожалуйста. Мы ведь коллеги, правда? — При этом в его зеленых глазах мелькнула какая-то искорка.

С тех пор они были на «ты», однако сердечности их отношениям это не прибавило.

— Из района только что приехал. Не ел еще даже, — пожаловался он. — Кофе хочешь?

В розыске нельзя быть строптивой: предлагают тебе кофе — пей не отказываясь. Просят разрешения закурить в твоём присутствии — разрешай, не кобенься. Розыск недаром считает себя солью земли, *настоящими мужиками*. А настоящие, как известно, любят повелевать. Не надо отказывать им в этом маленьком удовольствии.

— Только полчашки и несладкий, — сказала Катя. На самом деле она знала, что сейчас ей не удастся сделать и глотка. — Ты в Жигалово выезжал, да? — спросила она тихо.

Никита молча кивнул. Лицо его как-то сразу застыло.

— Ты их видел?

Он снова кивнул. Переложил трофейный радиотелефон на подоконник и взял оттуда жестяную баночку кофе и два подозрительно мутных на вид граненых стакана.

— Крови много? — спросила Катя.

Он обернулся.

— Крови много, Катерина Сергеевна. Там двухкомнатная квартира. Дом сталинский, в самом центре, на площади. Стены — как в дзоте, потолки — четыре метра. Кухня просторная. В общем, квартирка что надо. Выгодная. — Он умолк, поболтал ложкой в своем стакане, размешивая сахар. — В меньшей комнате жили старичок со старушкой. Силины — пенсионеры. А в большой их дочь и внучка Леночка, трех годиков от роду... Там их всех и